

I

Войдя в комнату, Рубо положил на стол фунтовый хлеб, пирог и поставил бутылку белого вина. Тетюшка Виктория перед уходом на службу закрыла трубу раньше, чем следовало; печь страшно накалилась, и в комнате была невыносимая жара. Помощник начальника станции открыл окно и облокотился на подоконник.

Он смотрел из окна высокого дома, последнего с правой стороны Амстердамского тупика. В этом доме общество Западной железной дороги отделило квартиры для некоторых своих служащих. Комната тетюшки Виктории помещалась на пятом этаже, и окно, прорубленное в чердачной крыше, выходило прямо на железнодорожную станцию, которая врезалась в Европейский квартал; в открывшемся громадном пролете неожиданно для глаза развевалась широкая даль. В этот день горизонт, сливаясь с тусклым набухшим небом, освещенным неярким февральским солнцем, казался еще шире.

Напротив в солнечных лучах, просвечивавших сквозь сероватую дымку, неясно обозначались вдали легкие очертания домов Римской улицы. Слева видны были навесы крытых складов, их громадные арки с закопченными стеклами. Далее шли колоссальные постройки главной железнодорожной стан-

ции, которая была отделена сторожкой и грелочной от других, меньших станций: Аржантейльской, Версальской и станции Окружной дороги. Справа железная звезда Европейского моста закрывала пролет, который затем открывался снова и уходил вдаль до самого Батиньольского туннеля. Внизу, прямо под окном, на обширной территории станции, разбежались веером три двойных рельсовых пути, словно выходявшие прямо из моста. Каждый путь разветвлялся на станции в целую сложную сеть, бесчисленные колеи исчезали под навесами. Перед станционными постройками стояли три будки стрелочников, у каждой — маленький обнаженный садик. В хаосе вагонов и локомотивов, загромождавших рельсы, большой красный стрелочный диск ярким пятном вырисовывался в бледном свете дня.

Рубо загляделся на эту картину, мысленно сравнивая громадную парижскую станцию со станцией в Гавре. Каждый раз, когда он приезжал на день в Париж и останавливался у тетушки Виктории, в нем просыпался интерес к его ремеслу.

На главном дебаркадере началась суета: прибыл мантский поезд. Рубо следил за дежурным паровозом, маленьким локомотивом с тендером на шести низких, соединенных друг с другом колесах, приступившим уже к разборке поезда. Паровоз работал проворно и усердно, увозя и отодвигая вагоны на запасные пути. Другой, могучий курьерский паровоз, на четырех громадных быстроходных колесах, одиноко стоял, выбрасывая из трубы густой черный дым, медленно и прямо поднимавшийся вверх в спокойном воздухе. Но с особым вниманием следил Рубо за поездом, который должен был отойти в 3 часа

25 минут в Кэн. Пассажиры уже сидели в вагонах и ожидали только прицепки паровоза. Рубо не видел паровоза, стоявшего за мостом, но слышал, как паровоз давал короткие, частые свистки, требуя, чтобы ему очистили путь, точно начинал терять терпение. Был отдан приказ, отрывистым свистком паровоз ответил, что понял приказание. Перед тем, как он тронулся, наступила тишина, потом открыли отводные краны, и струи пара с оглушительным свистом вырвались почти на уровне рельсов. Рубо увидел, как от моста катилось белое облако пара, которое, словно снежный пух, подхваченный вихрем, клубами извивалось среди железных поясов моста, а сгущавшийся дым другого паровоза раскидывался в это время черной завесой. Вдали глухо раздавались сигнальные свистки, различные распоряжения, слышалось скрипение поворотных кругов. Вдруг завеса из клубов дыма и пара разорвалась, промелькнули один мимо другого два поезда — версальский и отейльский. Один шел в Париж, другой только что вышел оттуда.

Рубо хотел уже отойти от окна, но, услышав голос, назвавший его по имени, перегнулся через подоконник и увидел стоявшего на балконе, этажом ниже, молодого человека лет тридцати. Это был обер-кондуктор Анри Довернь, живший там вместе со своим отцом, помощником начальника главной станции, и двумя сестрами, Клер и Софи. Молодые девушки, очаровательные блондинки, восемнадцати и двадцати лет, вели хозяйство на деньги — шесть тысяч франков, — которые зарабатывали их отец и брат. Веселье в их доме никогда не прекращалось; и сейчас из открытого окна раздавался смех старшей

сестры, младшая пела, а несколько канареек в большой клетке соперничали с нею в руладах.

— А, господин Рубо, так вы в Париже! Вас, наверное, вызвали сюда по поводу истории с супрефектом?..

Снова облокотившись на подоконник, помощник начальника станции рассказал, что ему пришлось выехать из Гавра с утренним курьерским поездом. Начальник службы эксплуатации вызвал его в Париж и сделал ему строжайший выговор. Счастье еще, что дело ограничилось только выговором, а то, чего доброго, могли бы, пожалуй, совсем прогнать со службы.

— А ваша супруга тоже здесь? — осведомился Анри.

— Да, она приехала за покупками.

Рубо ждал ее в комнате тетушки Виктории, которая давала ему ключ каждый раз, когда он с женою приезжал в Париж. Они любили завтракать там вдвоем, пока тетушка Виктория была на службе. На этот раз супруги Рубо слегка закусили в Манте, чтобы по приезде в Париж сразу заняться делами; но пробило уже три часа, и Рубо чуть не умирал с голоду.

Анри из любезности задал ему еще один вопрос:

— Вы и переночуете тут?

Нет, ему с женой необходимо вернуться в Гавр с вечерним курьерским поездом. Тут не разгуляешься! Вызывают только для того, чтобы закатить выговор, а потом марш немедленно назад!

Обер-кондуктор и помощник начальника станции переглянулись и покачали головой; расслышать друг друга они уже не могли: громкие, бурные ак-

корды фортепьяно заглушили их голоса. Обе сестры, по-видимому, одновременно колотили по клавишам, стараясь подзадорить канареек, и громко хохотали при этом. Их веселье передалось Анри; он с улыбкой кивнул Рубо и отошел в глубь комнаты. Рубо постоял еще с минуту, глядя на балкон, откуда доносились взрывы молодого заразительного смеха. Взглянув затем прямо перед собою, он увидел, что паровоз закрыл уже свои пароотводные краны; стрелочник направил его к кэнскому поезду. Последние хлопья белого пара расплывались в густом черном дыму, которым заволокло все небо. Затем Рубо отошел от окна.

Часы с кукушкой показывали уже двадцать минут четвертого, Рубо пришел в отчаяние. Что за черт, чего ради Северина так запаздывает? Стоит ей попасть в какой-нибудь магазин — она уж не может оттуда вырваться. Чтобы заглушить грызущее чувство голода, Рубо решил накрыть на стол. Большая, в два окна, комната тетушки Виктории служила одновременно спальней, столовой и кухней; комнату украшала ореховая мебель: кровать с драпировками из красного кумача, буфет с выдвижной доскою, круглый стол и большой нормандский шкаф. Рубо вынул из буфета салфетки, несколько тарелок, ножи и вилки, два стакана. Все сверкало чистотой, и Рубо, накрывая на стол, забавлялся своими хлопотами по хозяйству, точно играл в кукольный обед. Его радовала белизна салфеток; он был влюблен в свою жену и улыбался при мысли о том, как, открыв дверь, она расхохочется своим свежим смехом. Рубо положил пирог на тарелку, поставил рядом бутылку с вином и с беспокойством стал отыскивать что-то глазами; по-

том быстро вытащил из кармана два забытых свертка — коробочку с сардинками и швейцарский сыр.

Пробило половина четвертого. Рубо шагал взад и вперед по комнате, прислушиваясь к малейшему шуму на лестнице. Чтобы как-нибудь убить время, он остановился перед зеркалом и начал разглядывать себя. Он положительно не стареет. Ему скоро стукнет сорок, а его ярко-рыжие вьющиеся волосы нисколько не поседели. В густой, окладистой золотистой бороде тоже еще не было седины. Среднего роста, но крепкого сложения, с низким лбом и широким затылком, круглолицый, краснощекий, с большими живыми глазами, он нравился сам себе. Его сросшиеся брови сходились над переносицей в одну сплошную линию, что считается признаком ревности. Жена Рубо была на целых пятнадцать лет моложе его, а потому не мудрено, что он зачастую поглядывал в зеркало.

Заслышав шаги, Рубо побежал к двери и приотворил ее. Но это была продавщица газет на вокзале, жившая в том же коридоре, в смежной комнате. Разочарованный, Рубо захлопнул дверь и принялся рассматривать стоявшую на буфете коробку, оклеенную раковинами, подарок Северины ее кормилице, тетушке Виктории. Он много раз видел эту коробку, и теперь, стоило ему только взглянуть на нее, как в его памяти ожила вся история его женитьбы, хотя с тех пор прошло уже целых три года. Он родился в Южной Франции, в Плассане, где отец его был ломовым извозчиком; служил в армии и вышел в отставку фельдфебелем; долго работал железнодорожным мастером на мантском вокзале, а затем был назначен старшим мастером на Барантенскую стан-

цию. Там он и познакомился с нею, со своею дорогой женой, когда она вместе с дочерью председателя окружного суда, Бертою Гранморен, приезжала из Дуанвиля. Северина Обри была младшей дочерью простого садовника, умершего на службе у Гранморенов, но ее крестный отец и опекун Гранморен чрезвычайно ее баловал и сделал подругой своей дочери. Обе они воспитывались в руанском пансионе. В Северине Обри было столько врожденного изящества, что Рубо долгое время позволял себе только мечтать о ней, испытывая то страстное чувство, с каким обтесавшийся рабочий любит прекрасную, но недоступную ему драгоценную вещицу. Это была единственная любовь в его жизни. Он женился бы на этой девушке даже и в том случае, если бы за ней не было ни гроша, лишь бы только она была всегда с ним. Когда же он осмелился сделать ей предложение, действительность превзошла самые смелые его мечты. Северина приняла его предложение; Рубо получил в приданое десять тысяч франков, и, кроме того, Гранморен, который, выйдя в отставку, стал членом правления Западной железной дороги, обещал ему свое покровительство. И действительно, на следующий же день после свадьбы Рубо был назначен помощником начальника станции в Гавре. Правда, он и до того был на хорошем счету у начальства. Его признавали исполнительным, точным, добросовестным служакой, хотя и ограниченным, но хорошо знающим свое дело. Эти присущие ему качества могли до известной степени объяснить столь быстрое исполнение его желания и внезапное повышение по службе, но Рубо предпочитал думать, что всем обязан жене. Он обожал ее.

Рубо подошел к столу, открыл коробку сардинок. Он окончательно терял терпение: жена условилась с ним вернуться в три часа. Куда же она запропастилась? Нельзя же потратить целый день на покупку пары ботинок и полдюжины сорочек. Кто этому поверит! Взглянув снова в зеркало, Рубо увидел свои густые, нахмуренные брови и лоб, перерезанный суровой морщиной. В Гавре он никогда ни в чем не подозревал жену. Но в Париже у него возникали всевозможные опасения; ему казалось, что она хитрит и обманывает его. От этих мыслей кровь бросалась ему в голову, а мощные кулаки бывшего рабочего сжимались, как в былое время, когда он еще сам передвигал вагоны. Как всегда в такие минуты, он превращался в животное, не сознающее своей силы, и мог бы в припадке слепой ярости избить жену до смерти.

Дверь распахнулась; Северина, радостная, оживленная, вошла в комнату.

— Вот и я, — сказала она. — А ты, наверно, уже вообразил, что я совсем пропала!

Северина была в полном расцвете молодости; она казалась высокой, стройной и очень гибкой, хотя на самом деле была не худенькая, но лишь тонкокостная. На первый взгляд ее нельзя было назвать красивой: лицо у нее было продолговатое, рот большой, но зубы ослепительные. Однако в ней была своеобразная чарующая прелесть, необычайное сочетание больших голубых глаз и великолепных черных, как смоль, волос.

Муж молча всматривался в нее хорошо знакомым ей подозрительным взглядом, и Северина добавила:

— Я так торопилась... Представь себе, в омнибус сесть совершенно невозможно, а на извозчика я по-

жалела денег и всю дорогу шла пешком. Видишь, как мне жарко.

— Ну, — грубо возразил Рубо, — ты думаешь, я поверю, что ты была только в магазине?

С детской лаской Северина бросилась мужу на шею и, закрывая ему хорошенькой, мягкой ручкой рот, воскликнула:

— Молчи, гадкий!.. Ты прекрасно знаешь, что я тебя люблю.

Все существо ее дышало такой искренностью, она казалась ему такой правдивой, чистосердечной, что он страстно сжал ее в объятиях. Подозрения его всегда рассеивались именно таким образом. Северина охотно позволяла себя ласкать. Рубо осыпал ее поцелуями, но она не возвращала их, и пассивность этого большого ребенка вызывала в нем смутную тревогу: Северина относилась к нему как бы с дочерней привязанностью, но страсть в ней не просыпалась.

— Так ты обобрала все магазины?

— Да, я расскажу тебе все по порядку... Но прежде позавтракаем. Я страшно голодна... Кстати, у меня есть для тебя подарок. Только попроси хорошенько...

С веселым смехом она засунула правую руку в карман.

— Ну, говори скорей: «Где мой подарочек?..»

Он тоже добродушно засмеялся и повторил за ней:

— Где мой подарочек?..

Недели две тому назад Рубо потерял нож и до сих пор жалел о нем. Теперь Северина подарила ему взамен другой. Рубо восхищался подарком, находил великолепным свой новый нож с рукояткой из сло-

новой кости и блестящим лезвием. Ему хотелось сейчас же употребить его в дело. Северина в восторге от радости мужа, шутя, потребовала су для того, чтобы их дружба не была перерезана этим самым ножом.

— Ну, теперь давай завтракать, — повторила она. — Нет, пожалуйста, не закрывай окно: мне очень жарко!

Прислонившись к плечу мужа, она вместе с ним смотрела на обширную территорию железнодорожной станции. Дым на мгновение рассеялся, медный диск солнца опускался в тумане где-то позади домов Римской улицы. Внизу маневрирующий паровоз подвозил уже совершенно составленный мантский поезд, который должен был отправиться в двадцать пять минут пятого. Поезд был подвинут к дебаркадеру под навес, а затем локомотив отцепили. Вдали, в депо Окружной дороги, слышался стук буферов, — очевидно, неожиданно понадобилось прицепить еще несколько вагонов. Тяжелый локомотив товарно-пассажирского поезда неподвижно стоял среди рельсовых путей; его машинист и кочегар почернели от копоти. Он точно устал и, задыхаясь, выпускал через клапан тоненькую струйку пара. Локомотив ждал, чтобы ему освободили путь и дали возможность вернуться в батиньольское депо. Красный сигнал щелкнул и исчез. Паровоз ушел.

— Какие веселые эти барышни Довернь! Слышишь, как бренчат на фортепьяно... Я только что видел Анри. Он тебе кланяется.

— За стол, за стол! — кричала Северина.

Она с жадностью набросилась на сардинки и мигом их уничтожила. Северина была необычайно оживлена: поездка в Париж каждый раз как будто

опьяняла ее. Она вся трепетала от радости, что ей удалось погулять по столичным улицам, и ее лихорадочное возбуждение от беготни по дешевым магазинам еще не улеглось. Каждую весну она тратила разом все свои зимние сбережения, предпочитая купить в Париже все, что ей могло понадобиться. Она уверяла, будто дешевизна этих покупок возмещает ей путевые расходы. Ранний завтрак в Манте был давно уже позабыт, и Северина ела с удовольствием, болтая при этом без умолку. Наконец, слегка смущаясь и краснея, она подвела итог своим расходам. Оказалось, что она издержала более трехсот франков.

— Черт возьми! — воскликнул пораженный Рубо. — Ты транжиришь не по средствам! Ведь ты собиралась купить только полдюжины рубашек и пару ботинок...

— Ах, мой друг, ведь это редкий случай! Ты и вообразить себе не можешь, как удачно... Я нашла премиленький шелк в полоску! Готовые юбки с вышитыми оборками! А шляпка — просто мечта! И все это мне уступили чуть не даром. В Гавре пришлось бы переплатить вдвое. Когда пришлют все мои покупки, ты сам увидишь, что это за прелесть!

Он счел за лучшее рассмеяться; его жена была так очаровательна в своем оживлении, к которому примешивались смущение и робость. А импровизированный обед вдвоем в этой комнате, где им никто не мог помешать, был так заманчив, — здесь было гораздо уютнее, чем в ресторане. Северина, обычно пившая только воду, на этот раз, сама того не замечая, пила белое вино. Сардинки были съедены, и Рубо с женой принялись за пирог. Они разрезали его великолепным новым ножом; он был очень

острый и резал так хорошо, что лучше и требовать было нельзя.

— Ну, а твое дело уладилось? — осведомила Северина у мужа. — Ты заставляешь меня болтать о разных пустяках, а сам не рассказываешь, чем кончилась история с супрефектом...

Тогда Рубо подробно рассказал ей, как его принял начальник службы эксплуатации. Начальник задал ему хорошую головомойку. Рубо оправдывался, рассказал, как было дело, объяснил, что этот безмозглый щеголь супрефект хотел во что бы то ни стало ехать со своей собакой в первом классе, хотя для охотников с собаками имелся специальный вагон второго класса. Из-за этого и завязался спор. Начальник нашел, что Рубо был вправе настаивать на выполнении железнодорожных распоряжений, но строго порицал помощника начальника станции за сказанную им фразу: «Не век вам здесь хозяйничать». Подозревали, что Рубо придерживается республиканских воззрений. Прения при открытии парламентской сессии 1869 года и опасения за результаты предстоящих общих парламентских выборов сделали правительство до чрезвычайности подозрительным; Рубо непременно сместили бы с должности, если бы за него не поручился председатель окружного суда Гранморен. Пришлось, однако, письменно извиниться перед супрефектом, письмо составил сам Гранморен.

Северина прервала мужа восклицанием:

— Видишь, как хорошо, что я догадалась написать Гранморену и зайти к нему с тобою сегодня утром, до этой головомойки... Я знала, что он выручит нас.

— Да, он тебя очень любит, — продолжал Рубо, — а в правлении дороги он пользуется большим влиянием... Но только, посуди сама, стоит ли стараться! Обо мне отзывались самым лестным образом. Считается, что я хоть и не очень энергичен, но зато прекрасно веду себя, исполнительен, усерден. А все-таки, не будь ты моей женой и не вступишь ради тебя Гранморен, я слетел бы с места, и меня отправили бы замаливать грехи на какую-нибудь станцию последнего разряда...

Она задумчиво глядела в пространство и вполголоса подтвердила, точно говоря сама с собой:

— Да, он действительно пользуется большим влиянием...

Наступило минутное молчание. Забыв про еду, Северина пристально смотрела вдаль широко раскрытыми глазами. Она, без сомнения, вспоминала свое детство, прошедшее в дуанвильском замке, в четырех милях от Руана. Матери своей она никогда не знала, отец, садовник Обри, умер, когда ей пошел тринадцатый год. Председатель окружного суда Гранморен был в то время уже вдовцом. Он оставил ее в своем доме, и она воспитывалась там вместе с его дочерью Бертой под наблюдением его сестры, г-жи Боннегон, вдовы фабриканта, к которой перешел теперь замок. Берта была двумя годами старше Северины, но вышла замуж полугодом позже за члена руанского суда г-на де Лашене, маленького, худощавого и желтолицего человека. В прошлом году Гранморен состоял председателем этого суда, но затем вышел в отставку. Он сделал блестящую карьеру. Гранморен родился в 1804 году и после революции 1830 года назначен был кандида-

том на судебную должность — сперва в Динье, затем в Фонтенебло и в Париже. После того он служил товарищем прокурора в Труа, прокурором в Рене и наконец председателем окружного суда в Руане, У него было состояние в несколько миллионов франков, и с 1855 года он состоял членом департаментского совета. В день выхода в отставку он был назначен командором ордена Почетного легиона. В самых ранних своих воспоминаниях Северина видела его совершенно таким же, какой он был и теперь: приземистый, крепкий, рано поседевший старик с коротко остриженными, когда-то светло-русые волосы, еще сохранившими золотистый блеск; он носил бороду, усы брил, лицо у него было широкое, толстый нос и жесткие голубые глаза придавали ему строгое выражение. Старик был резок в обращении, все трепетали перед ним.

— Скажи на милость, о чем ты задумалась? — повысив голос, дважды повторил Рубо.

Северина вздрогнула и встрепенулась, словно застигнутая врасплох.

— Так, ни о чем...

— Что же ты не ешь, ты уже сыта?..

— Ну, что ты... Ничего подобного, ты сам сейчас убедишься. — Допив вино, Северина мигом покончила со своим пирогом. Но тут произошел переполюх: оказалось, что фунтовый хлебец, припасенный к завтраку, съеден до последнего кусочка и к сыру ничего не осталось. С веселыми возгласами и смехом они перерыли буфет тетушки Виктории и наконец отыскали кусок черствого хлеба. Несмотря на открытое окно, в комнате не делалось прохладнее, и молодой женщине, сидевшей у самой печки, было

по-прежнему очень жарко. Казалось, веселый завтрак вдвоем с мужем привел ее в еще более возбужденное состояние. Рубо снова заговорил о Гранморене, по поводу тетки Виктории. Ей тоже следовало поставить за него пудовую свечу! Виктория родила в девушках ребенка, который вскоре умер. Тогда она поступила кормилицей к Северине, мать которой скончалась от родов. Впоследствии Виктория вышла замуж за кочегара, служившего в обществе Западной железной дороги. Она еле-еле перебивалась в Париже шитьем, так как муж ее пропивал все свое жалованье. Благодаря встрече с молочной дочерью ее прежняя связь с Севериной возобновилась, и Виктория также стала пользоваться покровительством Гранморена. Он добился для нее места сторожихи при дамских уборных «люкс». Самые роскошные уборные! Железнодорожное общество платило ей всего сто франков в год, но она выручала больше тысячи четырехсот франков с посетительниц. Кроме того, железнодорожное общество предоставило ей квартиру — комнату с отоплением. Поэтому служба у нее была очень выгодная. Рубо высчитал, что если бы муж ее, кочегар Пекэ, аккуратно приносил домой жалованье и наградные — две тысячи восьмисот франков, — а не прокучивал бы эти деньги на линии, то у него с женой имелось бы ежегодно более четырех тысяч франков, то есть ровно вдвое больше содержания, получаемого в Гавре помощником начальника станции.

— Разумеется, не каждая женщина согласится быть сторожихой при уборной, — заметил Рубо. — Впрочем, всякая работа хороша, если она порядочно оплачивается.

Насытившись, Рубо и Северина медленно доедали сыр, нарезаая его маленькими ломтиками, чтобы продлить удовольствие. Беседа их становилась более вялой.

— Кстати, я забыл тебя спросить, — воскликнул Рубо, — почему ты отказалась от предложения Гранморена погостить два-три дня в Дуанвиле?

Охваченный приятным чувством сытости, Рубо вдруг вспомнил об утреннем визите в особняк Гранморенов на улице Роше. Он снова увидел строгий кабинет и, казалось, еще слышал голос Гранморена, говорившего, что уезжает на следующий день в Дуанвиль. Потом, словно у Гранморена мелькнула внезапная мысль, он предложил супругам Рубо отправиться вместе с ним шестичасовым курьерским поездом и пригласил Северину поехать с ним в замок, так как его сестра давно уже выражала желание с ней повидаться. Но Северина под разными предлогами отказывалась от этого посещения.

— Я, видишь ли, — продолжал Рубо, — не нахожу ничего дурного в том, чтобы ты погостила несколько дней в дуанвильском замке. Ты могла бы остаться там до четверга, я как-нибудь обошелся бы без тебя... Я полагаю, что в нашем положении мы нуждаемся в Гранморенах. Глупо отвечать отказом на такое любезное приглашение, тем более, что твой отказ, очевидно, огорчил его. Поэтому-то я и уговаривал тебя согласиться, пока ты не дернула меня за полу. Тогда я поддержал тебя, но сам ничего не понял... В самом деле, почему ты не захотела поехать в Дуанвиль?

Глаза Северины забегали. Она нетерпеливо пожала плечами и возразила: